

© 1990 г.

САННИКОВ В. 3.

КОНЪЮНКЦИЯ И ДИЗЪЮНКЦИЯ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ)

Общезвестно, что научная картина мира резко отличается от наивной картины мира, отраженной в языке. Есть, однако, группа слов, где по общему мнению, эти различия сглаживаются и где языковые значения тождественны (или очень близки) научным, логическим. Это так называемые «логические слова», к числу которых относятся и основные сочинительные союзы — *и*, *или*. Уже сам термин («логические слова») подчеркивает их особую природу, их «надязыковую» сущность. Между тем предостережения против слепого следования рецептам логиков, которые высказывались неоднократно и лингвистами, и самими логиками (см., например [1—7]), справедливы и по отношению к «логическим словам». Г. П. Грайс указывал: «...имеет право на существование неупрощенная, и потому более или менее несистематическая, логика естественных языковых аналогов формальных символов; упрощенная формальная логика может подкреплять и направлять эту логику, но ни в коем случае не вытеснять и не подменять ее. На самом деле эти две логики не просто отличаются друг от друга — они могут и противоречить друг другу» [8].

В статье рассматриваются существенные различия между значениями логических связок (или логических союзов) «конъюнкция» и «дизъюнкция» и значениями соответствующих союзов — конъюнктивных (соединительных) и дизъюнктивных (разделительных) — в естественном (русском) языке¹.

Отличие конъюнктивных (соединительных) и дизъюнктивных (разделительных) языковых высказываний от соответствующих логических высказываний прослеживается по многим линиям: 1) число элементов высказывания; 2) неравноценность элементов высказывания; его смысловое богатство; 3) понятие истинности высказывания; 4) размытость границ между конъюнкцией и дизъюнкцией; 5) размытость границ между конъюнктивными и дизъюнктивными высказываниями и некоторыми другими языковыми высказываниями.

Эти важные отличия будут рассмотрены соответственно в пунктах 1—5 первого раздела данной работы. Следует подчеркнуть, что многие из перечисленных особенностей являются следствием одного (самого важного) различия между конъюнктивными и дизъюнктивными связями в логике и конъюнктивными и дизъюнктивными отношениями в языке: само значение конъюнкции и дизъюнкции в логике и в естественном языке существенно различно. Мы попытаемся показать это во втором разделе статьи.

¹ О некоторых других способах выражения конъюнкции и дизъюнкции в языке, см., например [9—10].

1. Число элементов высказывания. В каждом из логических высказываний А&В (конъюнкция) и А V В (дизъюнкция) мы имеем дело с двумя элементами (А, В) — и только с ними. Между тем языковые высказывания (и конъюнктивные, и дизъюнктивные) могут кроме эксплицитно перечисленных элементов содержать указание и на другие элементы. Это индуцируется самим сочинительным союзом. Сюда можно отнести, в первую очередь, «иллюстративное» употребление союзов *и* и *ли* ... *ли* (*ли* ... *или*), где из длинного ряда элементов говорящий указывает лишь несколько, ср.: *В Москве живут русские и белорусы, армяне и латыши, татары и греки; Современный ... спорт — лыжи ли, коньки, фигурное катанье — требует и соответствующего оснащения* (Моск. правда, 1985. 5 февр.) [говорящий произвольно выбирает несколько видов спорта из множества имеющихся]. Еще пример:

*Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам*
(А. Пушкин. Брожу ли я вдоль улиц шумных)

[Пушкин перечисляет условия, менее всего располагающие к мечтательности, из чего читатель понимает, что в других условиях (например, наедине с собой) лирический герой уж тем более предается своим мечтам].

Сходную картину мы находим в бессоюзных конструкциях типа *Ко мне пришли Миша, Петя, Коля, Катя*. Они отличаются от конструкций с союзом *и* (типа: *Ко мне пришли Миша, Петя, Коля и Катя*) тем, что в конструкции с *и* указаны все участники ситуации, а в бессоюзной конструкции — участники, первыми вспомнившиеся говорящему, возможно, не все. В случае союзной конструкции участники как бы находятся в центре кадра, не занимая его целиком; в случае бессоюзной — занимают весь кадр, заставляя нас подозревать, что часть участников не «уместилась» и находится за кадром.

Это подтверждается употреблением бессоюзных соединительных конструкций в случае заведомой неполноты перечисления. Ср.: *А что там в лесу, неясно себе представлял,— ягоды, волки* (Ю. Тынянов. Пушкин. Детство); *В Москве живут русские, украинцы, грузины, узбеки, латыши, молдаване*. (Постановка сочинительного союза — *В Москве живут русские, украинцы, грузины, узбеки, латыши и молдаване* — привела бы к искажению смысла: из этого можно было бы заключить, что в Москве не живут представители других национальностей.)

Представление о каком-то третьем, эксплицитно не указываемом элементе, входит также в значение разделительных союзов *не то ... не то; то ли ... то ли; может ... (а) может*. Сравним два примера:

- (1) *Это произошло в XV или в XVI веке;*
- (2) *Это произошло не то в XV, не то в XVI веке.*

Высказывание (2) с союзом *не то ... не то* характеризуется большей неопределенностью, чем высказывание (1); оно допускает возможность того, что описываемое событие произошло и не в XV, и не в XVI в., а в какое-то другое время.

2. Неравноценность элементов высказывания; его смысловое богатство. Конъюнктивные и дизъюнктивные высказывания русского языка поражают смысловым богатством. Многие союзы включают (в отличие от

«основных» союзов — *и*, *или*) добавочные семантические компоненты, такие, как «компенсация» (*В раю климат, зато в аду — общество; Мясо дают редко, -зато по 2 кг на человека*); «усугубление», «антикомпенсация» (*Мясо дают ред-ко, и то по 2 кг на человека*); «неожиданность второго элемента» (*Взял он письмо, да и вскрыл его*); «ненормальный ход событий» (*День был дождливый, но Коля не взял зонт*); «ненормальное положение дел» (*День был дождливый, а Коля не взял зонт*); «неравноценность событий или признаков по их удельному весу» (*Он не столько умный, сколько хитрый* [= хитрости — много, ума — значительно меньше]); «неравноценность мнений по их достоверности» (*Это скорее и, чем и*); «частое чередование во времени» (*Ветер шевелил сучья дерев, то открывая, то закрывая звезды*. Л. Толстой. Хаджи-Мурат) и мп. другие (см. [11]).

Кроме того, все союзы (в том числе и «основные»!) имеют еще добавочный смысл особого вида, который касается уже не самой описываемой ситуации, а говорящего (Г) и слушающего (С), их отношения к сообщаемому и друг к другу. Такой смысл принято относить к прагматике языкового знака. Так, высказывания с *или* типа *Стекло разбил Коля или Петя; Приеду в пятницу или в субботу* содержат кроме основного дизъюнктивного значения богатую прагматическую часть значения (которой нет в соответствующих примерах с союзом *и*: *Стекло разбили Коля и Петя; Приеду в пятницу и в субботу*):

«Говорящий (Г) не может сказать полной правды, поскольку:

либо он недостаточно осведомлен,
либо он описывает гипотетическое будущее;

Сознвая коммуникативную неполноценность своего сообщения, Г считает его полезным для слушающего (С), поскольку он считает, что:

либо более точная информация не обязательна,
либо сообщение облегчает поиск более точной информации;

Г предполагает, что:

С знает о ситуации еще меньше, чем Г;

либо в условиях общения нет источника более точной информации,
либо такого источника нет вообще».

Обычной для сочинительных конструкций является *неравноценность* элементов. В логике высказывания $A \& B$ и $A \vee B$ тождественны высказываниям $B \& A$ и $B \vee A$. В естественном (русском) языке есть, кажется, только одна группа сочинительных союзов, где компоненты равноценны (причем эта равноценность подчеркивается) и обратимы. Это дизъюнктивные союзы *ли ... ли (ли ... или); что ... что; хоть ... хоть; будь то ... или*. Ср.: *Спит — хоть голоден, хоть сыт, Хоть один, хоть в куче* (А. Твардовский. Василий Теркин); *Что о печь головой, что головой о печь; По мне, хоть Сидора, хоть Карпа* (В. Даль).

Как правило, члены конъюнктивных и дизъюнктивных высказываний *неравноценны* и вследствие этого *необратимы*. Так, компоненты высказываний с союзом *но* указывают на ненормальный ход событий и не допускают перестановки (ср.: *Шел дождь, но он не взял зонт*). Ср. также два следующих высказывания, где изменение порядка дизъюнктивных членов резко меняет смысл высказывания: *Он вернется в пятницу, а то и в четверг* [= «вернется скоро»]. *Он вернется в четверг, а то и в пятницу* [= «вернется нескоро»].

Даже те конструкции, где союз не указывает на неравноценность членов и которые признаются «обратимыми», «симметричными», оказываются в действительности «асимметричными»: изменение порядка членов и здесь приводит к существенному изменению смысла.

Чаще всего порядок компонентов отражает в этих случаях: 1) реальную последовательность описываемых событий [ср.: *Он сказал и сел vs. Он сел и сказал; И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрет* (М. Зощенко. Аристократка); *Он шел по квартире: передняя, кабинет, гостиная, спальня*]; 2) пространственную упорядоченность объектов действительности (в качестве точки отсчета берется обычно местонахождение говорящего), ср.: *За деревней была река, за рекой поле, а дальше синели бескрайние леса*; 3) упорядоченность предметов или событий по убыванию престижности, социальной значимости (см. [12 — 14]). Ср.: *мужчины и женщины; взрослые и дети; люди и машины; коммунисты и беспартийные*.

Говорящие отчетливо ощущают неравноценность позиций в сочинительной конструкции, исходя из представления, что первое место в сочинительной конструкции более «престижно», чем последующие. Ср.: *В горах Принс-Чарльз есть хребты Атоса, Портоса и Арамиса. Бедный Арамис! Всегда он «и» ...* (В. Конецкий. Третий лишний).

3. «Истина» в логике и «правда» в языке. В логике высказывания «могут принимать лишь два „истинностных значения“: „истину“ и „ложь“» [15]. При этом в случае ложности одного из двух членов конъюнкция резко отличается от дизъюнкции: если ложен один из членов конъюнктивного высказывания $A \& B$, то высказывание ложно; напротив, если ложен один из членов дизъюнктивного высказывания $A \vee B$, то высказывание истинно (см. [15 — 16]). В языке конъюнктивные и дизъюнктивные высказывания с одним ложным членом в истинностном отношении не отличаются резко друг от друга: Ср. конъюнктивное высказывание (3) и дизъюнктивное высказывание (4):

(3) *В Каспийское море впадают Волга и Днепр.*

(4) *В Каспийское море впадает Волга или Днепр.*

С точки зрения логики высказывание (3) ложно, а высказывание (4) истинно (поскольку истинен один из дизъюнктивных членов). Однако как квалифицировать эти высказывания с точки зрения языковой интуиции — правда это или неправда? Видимо, здесь можно говорить о *неполном соответствии* в *правде*, о «полуправде». Понятие правды, бесспорно, занимает важное место в сознании говорящих и в духовной жизни народа, оно отражается в языке не только в самом слове *правда*, но и в некоторых других единицах, например, представление о правде есть, и в некоторых других единицах, например, представление о правде есть, в значении глагола *знать* [18]. Не только конъюнктивные высказывания с ложным членом типа (3), но и высказывания с разделительными союзами типа (4) не соответствуют (или, во всяком случае, не вполне соответствуют) тому представлению о правде, вечной и неизменной, которое находит отражение в языке. Ведь они по самой своей природе допускают уточнения или даже требуют их. Утверждение (5а) может перейти после соответствующих уточнений в (5б):

(5а) *Стекло разбил Коля или Петя* =ф (5б) *Стекло разбил Поля.*

Если (5б) — правда, то что же такое (5а), описывающее ту же самую ситуацию? Его, видимо, можно квалифицировать как «полуправду» или «неполную правду».

Показательно в этом отношении сравнение утверждений с разделительными союзами и так называемых альтернативных вопросов:

⁴ В приводимых высказываниях союзы соединяют не предложения, а члены предложения, но это не имеет существенного значения, поскольку каждое из предложений (3)–(4) — результат естественного сокращения двух предложений («сочинительное сокращение»; см., например [17]).

(6) *Стекло разбил Коля || или Леля?*

(7) *Стекло разбил Коля или Петя.*

В случае (6), как и в случае любого другого вопроса, говорящий не знает правды, не знает ответа (ср. [7, с. 25]). Но ведь говорящий (7) знает ровно столько же и к правде он не ближе, чем говорящий (6)! Разным в (6) и (7) является не объем знаний о внешнем мире и не соответствие действительности, а представление говорящего о знаниях собеседника: если говорящий подозревает, что его собеседник знает о ситуации больше, чем он сам, — он спрашивает; если же он подозревает, что собеседник знает еще меньше, — он делает утверждение.

Таким образом, если в логике высказывание может быть либо истинным, либо ложным, то в языке мы скорее, имеем дело со шкалой, где правда и неправда — крайние точки, между которыми находится множество промежуточных, таких, как точка, обозначаемая словом «полуправда». К числу промежуточных относятся, видимо, и те точки, которые обозначаются разделительными конструкциями, а также соединительными (конъюнктивными) конструкциями с одним ложным членом.

4. Размытость границ между конъюнктивными и дизъюнктивными конструкциями проявляется, во-первых, в том, что конъюнктивные союзы могут иногда выступать в функции дизъюнктивных (ср.: *Он возвращается в 2 и в 3 часа ночи*), а дизъюнктивный союз *или* — в функции конъюнктивного союза, ср.: *Выемка угля в шахтах производится ручным или машинным способом* (пример из работы [19]); *Новый дом был печален, он напминал тюрьму или больницу* (А. Герцен. Былое и думы); *Конечно, Ч. не был инженером или там техником. Он специального образования не имел* (М. Зощенко. Поучительная история) [Компоненты соединены союзом *или*, хотя описываемый дом похож и на тюрьму, и на больницу; Ч. не был ни инженером, ни техником. И т. д.].

Еще более интересны конструкции, занимающие по смыслу промежуточное положение между соединительными и разделительными.

Сюда следует отнести, в первую очередь, конструкции с союзом *то ... то*, ср.: *Во время болезни меня навещали то Миша, то Коля*. В каждый отдельно взятый момент говорящего навещал кто-то один — либо Миша, либо Коля (дизъюнкция), однако в целом за весь описываемый период говорящего навещали оба — и Миша, и Коля (конъюнкция). Тем самым, конструкция с *то ... то* могла бы быть определена как «соединительно-разделительная» (или «конъюнктивно-дизъюнктивная»).

Другой интересный «гибрид» соединительных и разделительных конструкций — конструкции с союзами *а то и; а может (быть) и*. Ср.: *Они прогуляются до реки, а то и выкупаются*. Здесь первый компонент (прогулка) действительно будет иметь место (как в случае конъюнктивных отношений), а второй (купание) — возможен (как в случае дизъюнктивных отношений).

5. Размытость границ между конъюнктивными и дизъюнктивными конструкциями и между другими конструкциями языка. Следствием является то, что некоторые конструкции, конъюнктивные или дизъюнктивные по форме, видимо, не являются таковыми по смыслу. Рассмотрим некоторые из них.

1) Конструкции с тождественными словоформами, типа: *Девочка, девочка упала* [ф «две девочки»]; *Мужик здоровый. Ну, медведь и медведь* [ф «два медведя»]; *Сашку Ермолаева обидели. Ну, обидели и обидели — случается* (В. Шукшин. Обида) [ф «дважды обидели»].

2) Конструкции типа: *Давление падает: 100, 85, (0 атм; И два, и три раза я предлагал ему помощь [ф «пять раз»]; Мертвец спокоен, он может ждать еще две недели и три. Он подождет* (Ю. Тынянов. Кюхля).

3) Вряд ли можно отнести к конъюнктивным или дизъюнктивным также конструкции с союзом *а не* (*не ... а*), ср.:

(8) *Коля не спит, а читает книгу.*

В приведенном высказывании речь идет не о двух действиях, а об одном; смысл этого высказывания можно определить следующим образом: «Коля совершает некое действие; неверно, что это действие — сон; это действие — чтение». Справедливость такого понимания становится очевидной, если сравнить (8) с близким по смыслу высказыванием *Коля не спит и читает книгу*, где, действительно, имеет место конъюнкция двух действий: «Коля совершает следующие действия: 1) не спит; 2) читает книгу».

II

В этой (основной) части статьи мы отвлечемся от сложных промежуточных случаев, от рассмотрения многочисленных «неосновных конъюнктивных и дизъюнктивных союзов, а также и от рассмотрения «периферийных» значений союзов *и* и *или*. Рассмотрим теперь только эти «основные» языковые союзы (*и, или*) и только в их основных значениях — «чистая конъюнкция» и «чистая дизъюнкция» — и попытаемся показать, что и здесь союзы языка отличаются по значению от соответствующих логических связей (союзов) — «конъюнкция» и «дизъюнкция».

1. В меньшей степени сказанное относится к союзу *и*, который по значению близок к конъюнкции в логике. Правда, словари и грамматики русского языка отмечают, что значение конъюнкции осложнено множеством добавочных значений — «последовательности» (*Первая звезда блеснула надо мной и упала в тучи*. И. Бабель. Конармия), «противительность» (*Я все ищу добра — и нахожу лишь зло*. А. Фет) и т. д., однако они, по нашему мнению, индуцированы контекстом и не входят в значение союза *и*. И все-таки есть одно исключение — *причинно-следственная зависимость*. Сравним три примера:

(9) *Коля вернулся, а Петя остался в школе.*

(10) *Коля вернулся, Петя остался а школе.*

(11) *Коля вернулся, и Петя остался в школе.*

В (9) и (10) события (возвращение Коли и пребывание Пети в школе) описываются как независимые (Петя мог вообще не знать о возвращении Коли); напротив, в (11) действия зависимы: Петя наверняка знал о возвращении Коли, и пребывание Пети в школе связано с возвращением Коли, является *н о р м а л ь н о й р е а к ц и е й* на это возвращение. И приписать это значение нормального следствия можно лишь союзу *и* — поскольку все остальные компоненты во фразах (9) — (11) совпадают.

Тем самым, мы должны признать указание на нормальное следствие компонентом значения союза *и*, причем компонентом *слабым, факкультативным*³ — поскольку во многих других случаях (ср.: *Коля вернулся, и Петя не остался в школе; Пришли Миша и Петя*) он отсутствует и тут мы действительно имеем дело с «чистой конъюнкцией».

Специфическим в естественноречевых конъюнктивных высказываниях является и распределение элементов внутри некоего множества. Рассмо-

³ О разделении семантических компонентов, фиксируемых в толковании слова, на постоянные, характеризующие его в любом случае употребления, и переменные — вероятные, но не обязательные см. [20, 21].

трим следующий пример: *На столе стояли пять коробок с карандашами и ручками*. Во фразах такого типа распределение компонентов внутри множества (т. е. распределение карандашей и ручек по коробкам) никак не задается. Поэтому данная фраза может описывать множество ситуаций действительности (в каждой коробке — и карандаши, и ручки; в одной коробке — карандаши, в четырех — ручки; в двух — карандаши, в двух — ручки, в одной — и то и другое; и т. д. и т. п.).

В доказательстве тезиса об отсутствии указания на распределение компонентов в конструкциях с *и* приведем еще один пример:

(12) *В работе много нового и интересного.*

Смысл высказывания, казалось бы, ясен: «В работе много нового и много интересного; работа хорошая». В действительности, однако, распределение признаков «новое» и «интересное» здесь никак не задано⁴. Поэтому (12) допускает самые разные продолжения: ... *многое новое очень интересно* (пересечение признаков); ... *буквально все новое интересно* (полное наложение); и т. д. И, наконец, (12) допускает продолжение: *К сожалению, то, что ново — неинтересно, а что интересно — не ново* (полное несовпадение признаков).

Правда, последнее из приведенных продолжений более неожиданно, чем два первых, но это не значит, что такое распределение признаков не «заложено» в исходном высказывании (12). Эта неожиданность вызвана значением самих прилагательных «новый», «интересный», каждое из которых имеет универсально положительную оценку и которые, тем самым, индуцируют первоначальную положительную оценку описываемого. С продолжением высказывания оценка меняется на противоположную, эта дискредитация описываемого («срывание маски») и производит комический эффект.

2. *Или* и логическая связка $\vee$ Известно, что в математической логике различаются два вида дизъюнкции: 1) разделительная (строгая, исключающая), где высказывание $A \vee B$ означает: «либо А, либо В» и 2) неразделительная (нестрогая, неисключающая), где высказывание $A \vee B$ означает: «либо А, либо В, либо то и другое вместе».

Какое же значение имеет союз *или* в естественном (русском) языке? Этим вопросом много занимались и лингвисты, и логики. Существующие точки зрения, казалось бы, резко различны, а иногда даже диаметрально противоположны, однако все они строятся на одной принципиальной основе — на признании того, что значение *или* близко к значению логической связки «дизъюнкция». Считается общепризнанным, что в значение конструкции *Х или Y* входят компоненты: «либо Х», «либо Y». Разница в понимании касается третьего, («объединительного») компонента: «либо Х и Y вместе». Есть он, этот компонент, или нет? Иными словами, имеем ли мы дело в языке с разделительной (строгой) дизъюнкцией, со «взаимоисключением» (термин классической русистики) или же с неразделительной (нестрогой) дизъюнкцией? Как сторонники первой точки зрения, имеющей в русистике давнюю традицию, так и сторонники второй, противоположной точки зрения не могли не испытывать некоторое неудобство, ощущая, что выбранная для языка одежда «не вполне ему по фигуре»: одна (разделительная дизъюнкция, «взаимоисключение») — узковата, другая (неразделительная дизъюнкция) — слишком широка. Проиллюстрируем это

⁴ Предположение, что признаки «новое» и «интересное» независимы, вообще говоря, не бесспорно. Но для нашего изложения это несущественно: в обсуждаемых примерах они понимаются говорящими как независимые.

двумя примерами с союзом *или*, уже обсуждавшимися в литературе (см. 14, 19]):

(13) *В 10 часов вечера я буду уже в Москве или в Ленинграде.*

(14) *Если завтра у меня заболит горло или повысится температура, то я не поеду кататься на лыжах.*

Первая точка зрения, согласно которой *или* указывает на «взаимоисключение» (разделительная дизъюнкция), пригодна для толкования фразы (13), но фраза (14) получает неестественную интерпретацию: «Если завтра у меня либо заболит горло, либо повысится температура, но не то и другое вместе,— я не поеду кататься на лыжах».

Вторая точка зрения, согласно которой *X или Y* = «либо X, либо Y, либо и то и другое вместе», наоборот, удовлетворительна в случае фразы (14), но приводит к неестественной интерпретации фразы (13): «В 10 часов вечера я буду либо в Москве, либо в Ленинграде, либо и в Москве, и в Ленинграде (одновременно)».

Попытки обойти эти затруднения шли по двум направлениям.

А. В. Гладкий, придерживающийся второй точки зрения (*X или Y* = «либо X, либо Y, либо и то и другое вместе»), отводит противоречащие примеры ссылкой на несовместимость фактов, выражаемых компонентами. По его мнению, в предложениях типа (13) оба компонента «не могут быть истинны одновременно, но не потому, что в этих случаях *или* употреблено в ином значении, а потому, что в этих случаях несовместимы факты, выражаемые компонентами — что не имеет отношения к языку» [4, с. 199]. Автор отмечает, что можно вообразить ситуацию (пусть иногда фантастическую), когда компоненты предложения перестанут быть несовместимыми: например, существо, обладающее способностью быть в двух местах сразу.

Предполагается, тем самым, что предложения типа (13), как и любые другие предложения с *или*, воспринимаются слушающим как включающие три альтернативы: «В 10 часов вечера я либо *буду* уже в Москве, либо *буду* уже в Ленинграде, либо *буду* уже в Москве и Ленинграде (одновременно)». Предполагается далее, что слушающий уточняет затем значение утверждения — приблизительно так: «либо речь идет о какой-то фантастической ситуации, либо факты, выражаемые компонентами, несовместимы (человек не может находиться в двух местах одновременно), и, следовательно, последняя альтернатива должна быть исключена и утверждение (13) сводится к двум альтернативам: „В 10 часов вечера я либо *буду* уже в Москве, либо *буду* уже в Ленинграде”».

Нам кажется, что такое понимание антиинтуитивно: вероятно, ни говорящий, ни слушающий даже и не думают в данном случае о третьей альтернативе, т. е. о совмещении / несовмещении фактов, выражаемых компонентами. Более того. Даже во фразах типа (14) — *У меня заболит горло или повысится температура* — говорящий не думает о совмещении фактов, о третьей альтернативе (либо то и другое вместе). Естественно, что эта фраза допускает продолжение: ... *е обоих случаях я не поеду кататься на лыжах* [не: ...*во всех трех случаях я не поеду кататься на лыжах*].

Другой способ справиться с возникающими трудностями — признать, что в конструкциях с *или* объединительный компонент в одних случаях есть (и тогда можно говорить о неразделительной дизъюнкции) — ср. пример (14), а в других случаях его нет (разделительная дизъюнкция) — ср. пример (13). Этого мнения придерживаются логики и многие лингвисты, как советские, так и зарубежные (см., например [16, 19, 22, 23]).

Данная точка зрения не приводит к столь резкому противоречию с языковыми фактами, как точки зрения, рассмотренные выше. Однако достигается это дорогой ценой. Мы вынуждены признать два разных значения союза *или* (разделительное и неразделительное), что явно противоречит интуиции: ведь союз *или*, по справедливому замечанию Е. В. Падучевой, «во всех случаях его употребления воспринимается носителями русского языка как одно и то же слово» [19, с. 145—146]. К тому же мы сталкиваемся при таком подходе со сложными правилами распределения двух выделяемых значений союза *или*.

По и ото еще не все. Целый комплекс сложных проблем возникает в связи с конструкциями с *или*, которые допускают два противоположных продолжения⁵:

(15) *У Коли есть свитер или джемпер.*

(15a) *У Ноли есть свитер или джемпер или к то, и другое (вместе).*

(15б) *У Коли есть свитер или джемпер, но не то и другое' (вместе).*

Ни одна из трех рассмотренных выше точек зрения не позволяет дать непротиворечивую интерпретацию фраз (15a)—(15б):

— если видеть в (15) разделительную дизъюнкцию («взаимоисключение»), то в (15a) мы сталкиваемся с противоречием («У Коли есть либо свитер, либо джемпер, но не то и другое вместе, либо то и другое вместе»), а в (15б) — с тавтологией («У Коли есть либо свитер, либо джемпер, либо то и другое вместе, либо то и другое вместе»);

— если видеть в (15) неразделительную дизъюнкцию, то интерпретация (15a) приводит к тавтологии («У Коли есть либо свитер, либо джемпер, либо то и другое, либо то и другое»), а (15б) получает следующий смысл: «У Коли есть либо свитер, либо джемпер, либо то и другое, по не то и другое». Снова смысловое противоречие!

И это не случайно. Это естественное следствие того, что все три описанных точки зрения на значение союза *или* — результат распространения на язык научных, логических понятий («разделительная дизъюнкция» и «неразделительная дизъюнкция») и не отражают то наивное представление, которое существует в языке. Ни одна из них не находится в полном соответствии с языковой интуицией.

Несмотря на все различия, существующие точки зрения на значение союза *или* в языке строятся на одной принципиальной основе — на эксплицитном указании точного места объединительного компонента («либо X и Y вместе»). Как и в логике, этот компонент либо запрещается («взаимоисключение», разделительная дизъюнкция), либо признается третьим, «равноправным» компонентом значения («объединительное значение», неразделительная дизъюнкция). Между тем разгадка, видимо, в том, что в наивной картине мира, которая отражена в языке, совмещение компонентов X и Y вообще не учтено: оно не разрешено и не запрещено, говорящий вообще о нем не думает. Говоря или слушая фразу *У Коли есть велосипед или мотоцикл*, говорящий и слушающий имеют в виду две возможности (наличие велосипеда; наличие мотоцикла) и не задумываются об их совмещении (наличие того и другого вместе).

Возможно ли отразить это обстоятельство в самом толковании союза *или*? Нам кажется, это возможно, если эксплицитно отметить в толковании тот факт, что в предложениях с *или* каждый из компонентов в о з м о ж

* На это обстоятельство на материале английского языка обратил внимание Дж. Хэрфорд [23].

жен, но не обязателен⁶. Этот важный факт, многое объясняющий в значении и функционировании конструкций с *или*, достаточно очевиден и отмечался исследователями — и логиками, и лингвистами (см., например 125, 261: он, по нашему мнению, должен быть эксплицитно отражен в основной, ассертивной части толкования союза *или*:

X или Y = «в качестве описываемого:
возможен *X*,
возможен *Y*»⁷.

Следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: «объединительный компонент» («либо *X* и *Y* вместе») не включается в наше толкование, однако этот компонент и не запрещен.

Поэтому союз *или* пригоден для описания как тех ситуаций, где совмещение компонентов возможно, так и тех, где такое совмещение практически невозможно.

Предложения (13) и (14), детально обсуждавшиеся выше, получают, таким образом, следующее толкование:

(13) = «В 10 часов вечера я буду уже в некоем городе; в качестве этого города возможна Москва, возможен Ленинград».

(14) = «Если завтра со мной произойдет некое событие, я не поеду кататься на лыжах; в качестве этого события возможно заболевание горла, возможно повышение температуры».

В отличие от большинства исследователей союза *или*, полагающих, что носители языка всегда думают о совмещении или несовмещении альтернатив, мы считаем, что носители языка (кроме, может быть, людей, «испорченных» знакомством с математической логикой), вообще не задумываются о подобном совмещении. А если это все-таки происходит, говорящий использует не конструкцию с *или*, а более сложные конструкции, включающие специальные дополнительные средства, эксплицитно указывающие на возможность или невозможность совмещения компонентов *X* и *Y*. Первое передается сочетанием *или то и другое (вместе)*, второе — сочетанием *но не то и другое (вместе)*. Эти «каверзные фразы», объяснение которых — камень преткновения для любой из существующих точек зрения, получают теперь удовлетворительную интерпретацию: *У Коли есть свитер или джемпер, или и то и другое вместе* = «У Коли есть (теплая) одежда; в качестве этой одежды возможен свитер, возможен джемпер, возможно и то и другое»; *У Коли есть свитер или джемпер, но не то и другое вместе* = «У Коли есть (теплая) одежда; в качестве этой одежды возможен свитер, возможен джемпер, но не то и другое вместе».

Слушающий также иногда (но именно иногда!) может задуматься о возможности совмещения компонентов в утверждениях с *или*. При этом он решит, видимо, что в высказываниях типа (14) компоненты совместимы, а в (13) — нет, но это решение основано исключительно на знаниях о мире. Что же касается самих высказываний, то ни в (13), ни в (14), ни в каком-либо ином естественноречевом высказывании с *или* ничего не сказано

⁶ Несколько изменив формулировку Ч. С. Пирса [24], определяем возможность как гипотезу, относительно истинности которой в момент речи нельзя судить с достоверностью.

Под описываемым понимается: либо описываемая ситуация (Мм *пойдем к Тете или он придет к нам*); либо участник ситуации (например, адресат в предложении *Он подарит книгу Маше или Кате*); либо признак ситуации (например, время в предложении *Он придет в пятницу или в субботу*).

о возможности совмещения компонентов. Именно поэтому они допускают противоположные продолжения — *1) или то и другое (вместе), 2) но не то и другое (вместе)*.

Математическая логика, естественно, не могла без уточнения использовать в качестве связи то значение *или*, какое этот союз имеет в языке. Это уточнение могло пойти (и действительно пошло) по двум противоположным направлениям: 1) усилить объединительный компонент, «слабо мерцающий» в предложениях с *или*, до полноценной третьей альтернативы — неразделительная дизъюнкция; 2) «стереть» слабый объединительный компонент, оставив две альтернативы, — разделительная дизъюнкция. Что же касается значения союза *или* в естественном языке, то оно не сводимо ни к разделительной, ни к неразделительной дизъюнкции. Естественный язык указывает на две возможности, «отвлекаясь» от их совмещения.

В особом рассмотрении нуждаются союзы *или ... или, либо ... либо*. Некоторые ученые (см., например [19] и [27]) видят здесь разделительную, или строгую дизъюнкцию («либо X, либо Y, но не то и другое вместе»). Нам кажется, однако, что и в этом случае союзы естественного языка отличаются по значению от соответствующей связи математической логики. В известном примере из Повести Л. Соловьева Насреддин обещает эмиру за двадцать лет научить ишака читать Коран, рассуждая при этом так: «за двадцать лет кто-нибудь из нас уж обязательно умрет — или я, или эмир, или этот ишак» (Л. Соловьев. Повесть о Ходже Насреддине). Вряд ли Насреддин хочет сказать, что умрет только один, и исключает возможность того, что могут умереть и два участника ситуации, и даже все три. «Взаимоисключения», строгой дизъюнкции здесь, видимо, нет, как нет его и во многих других случаях. Ср.: *Вот они где у меня сидят, эти интуисты!.. Приедет... и или нашипонит, как последний сукан сын, или же капризами все нервы вымотает* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Смысловое отличие союза *или ... или* от союза *или* мы видим не в указании на взаимоисключение компонентов X и Y и не в исключении какого-то третьего компонента, отличного от X и Y, а в указании на обязательность хотя бы одного из компонентов X и Y.

Бесспорно, есть случаи, где взаимоисключение элементов налицо, но индуцировано оно другими языковыми средствами — чаще всего ограничительными словами (например, отрицанием) при одном из элементов — *Эпиграфа или не надо, или А. Chenier* (А. Пушкин. Письмо Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу 15 марта 1825 г.); *Что-нибудь одно: или они сумасшедшие, или я сумасшедший* (И. Бунин. Освобождение Толстого).

Нигде, пожалуй, учет логического языка при исследовании языка естественного не признается столь оправданным, как при изучении значения сочинительных союзов (ведь такие союзы, как *и, или*, связаны по значению со связками математической логики), и нигде, пожалуй, это сближение не привело к столь существенным искажениям в описании значения языковых единиц. Сочинительные конструкции естественного (русского) языка характеризуются смысловым богатством и большой неопределенностью. Применяя термины «конъюнкция», «дизъюнкция» по отношению к естественному языку, не следует забывать, что они здесь имеют иной смысл, отличный от того, который закреплен за ними в математической логике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 280—281.
2. *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948.
3. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 6.
4. *Гладкий А. В.* О значении союза *или* // Семиотика и информатика. Вып. 13. М., 1979.
5. *МакКолл Дж. Д.* Логика и словарь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983. С. 178—179.
6. *Пеллц Е.* Семиотика и логика. Семиотика. М., 1983.
7. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
8. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 219.
9. *Брутян Л. Г.* Лингвистический анализ языковых выражений конъюнкции. Ереван, 1983.
10. *Санников В. З.* Прагматика неопределенных утверждений // НТИ. Сер. 2. 1987. № 9.
11. *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). М., 1989.
12. *Cooper W., Ross J.* World Order // Papers from parasession on functionalism. Chicago, 1975.
13. *Якобсон Р.* В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983.
14. *Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.* Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // И АН СЛЯ. 1981. № 4.
15. БСЭ. 3-е изд. М., 1973. Т. 14. Стлб. 605.
16. *Мендельсон Э.* Введение в математическую логику. М., 1971.
17. *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). М., 1974.
18. *Wierzbicka A.* Dociekania smantyczne. Wroclaw; Warszawa; Krakcw, 1969.
19. *Падучева Е. В.* Опыт логического анализа значения союза *или* // Философские науки. 1964. № 6.
20. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974. С. 124—125, 148.
21. *Апресян Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
22. *Перетрухин В. Н.* Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж, 1979.
23. *Hurford J. R.* Exclusive or inclusive disjunction // Foundations of language. 1974. V. 11. № 3.
24. *Пирс Ч. С.* Из работы «Элементы логики. Grammatica speculativa» // Семиотика. М., 1983. С. 173.
25. *Хегай В. М.* Разделительные отношения и средства их выражения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
26. *Гуревич В. В.* О семантике неопределенности // ФН. 1983. № 1.
27. *Мушанов Ю. А.* Зависимость выбора слова от предварительных знаний о предмете (на материале союзов и частиц) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964.